

Последние два дня Е Цзюньшу не находил себе места: за книгу взяться не мог, а уроки делал из рук вон плохо. На его лице читалась такая досада, что это заметили даже дети. Экзамены в академии были уже на носу. Старший брат не учился несколько лет и лишь изредка пролистывал учебники. По сравнению с другими кандидатами, которые десять лет грызли гранит науки, он находился в крайне невыгодном положении.

Дети тоже тревожились, но не смели лишний раз его беспокоить, боясь добавить давления. Они полностью освободили брата от домашних хлопот и даже во время игр старались не шуметь, чтобы он мог сосредоточиться. Их чуткость глубоко трогала Е Цзюньшу, но тревога, терзавшая его сердце, была вызвана вовсе не экзаменами.

Когда в душе беспокойно, никакое принуждение не поможет в учебе. Е Цзюньшу решил найти какое-нибудь дело, чтобы отвлечься. Он вышел во двор, увидел, что односельчане заняты работой, и хотел было помочь, но никто не позволил ему даже палец о палец ударить. Оставшись не у дел, Е Цзюньшу побрел куда глаза глядят и незаметно для себя вышел к окраине деревни.

Он замер под ивой, глядя на вьющуюся вдаль дорогу. После долгих раздумий он всё же не смог подавить внутренний порыв и зашагал прочь. Неизвестно, как продвигаются дела. Прошло уже два дня — успех это или провал, результат должен быть. Если он пойдет быстро, то успеет вернуться до темноты. Просто посмотрит одним глазком... Лучше увидеть всё своими глазами, чем изводить себя догадками дома.

На дороге не было ни души. Е Цзюньшу почти бежал, и к воротам уездного города подошел, слегка запыхавшись. Утерев пот и переведя дух, он вошел в город. Там царило пугающее спокойствие. Случись что-то из ряда вон выходящее, город бы уже гудел. Е Цзюньшу специально прошел мимо поместья Мин и управы — везде двери были плотно закрыты, людей не видно. Сердце его тревожно забилось.

Он внезапно вспомнил тех всадников, что спрашивали дорогу пару дней назад. С первого взгляда было ясно — люди не из простых. И ехали они тоже на Линьцзянский тракт. Оставалось надеяться, что они не успели к самой развязке...

В этот день он вернулся ни с чем. В последующие дни он наведывался в город еще трижды, и только на девятый день почувствовал неладное. Центральная улица у ворот была пуста, лавки и магазины закрыты, а редкие прохожие пробегали мимо, не оглядываясь.

— Быстрее, они там!

Е Цзюньшу проследил, куда они бегут, и в голове мелькнула мысль: «Наконец-то!». Странно, но теперь он был совершенно спокоен. Исчезла та гнетущая тревога прошлых дней. Он быстрым шагом направился к управе.

Еще не дойдя до места, он услышал истошный плач, сотрясающий воздух. Е Цзюньшу увидел толпу перед входом в управу — кажется, сюда стеклась добрая половина жителей города. Люди отчаянно толкались, в их глазах читалось любопытство, смешанное со злорадством.

Выкрикивая «позвольте пройти» и умело работая локтями, Е Цзюньшу просочился сквозь живую стену. Когда он наконец выбрался в первые ряды, перед ним предстала впечатляющая картина: несколько десятков взрослых и детей в траурных одеждах рыдали навзрыд. Перед ними в два ряда лежали трупы, накрытые тканью.

Порядок охранял отряд незнакомых солдат в доспехах, с алебардами и копьями. Лица их были

суровы. Е Цзюньшу быстро окинул взглядом плакальщиков — все они были местными, городскими. Значит, под белыми саванами лежат люди из управы. Но где же подонки из семьи Мин? Неужели Мин Второй выжил?

Видеть столько мертвецов разом, зная, что их гибель — твоих рук дело... Было бы ложью сказать, что на сердце не было тяжело. Страшно ли ему? На нем теперь столько жизней...

Он испытывал целый спектр тяжелых чувств, но среди них не было одного — раскаяния. Он не жалел.

Когда люди из управы решили потакать тиранам и губить невинных, они сами подписали себе приговор. Те немногие, у кого была совесть, давно покинули управу. Оставшиеся же погрязли в грехах, и теперь пришло время платить по счетам.

— Так им и надо...

— И не говори...

— Все полегли, до единого. Какая жуткая смерть!

— Возмездие!

— По заслугам...

На лицах собравшихся горожан читалось явное облегчение. С прошлого года судья и его прихвостни стали глубоко ненавистны народу: они губили лучших гэров в округе. Если бы не исконное стремление людей решать всё миром и заложенное с детства убеждение, что простолюдину не след тягаться с властью, да если бы не страх за свои семьи, здесь давно бы вспыхнул бунт.

Е Цзюньшу понимал их чувства. В каждой семье много мужчин, братьев, гэров; у женатых — дети. Все они — плоть и кровь, и никто не хотел ставить под удар всю родню ради мести за одного. Разве не видели они, как тех, кто пытался сопротивляться, либо забивали до смерти, либо калечили? Поэтому семьи пострадавших в большинстве своем молча глотали слезы, не смея подать голос. Лишь такие, как дядя Лэй, у которых почти не осталось родни, могли позволить себе пойти на всё.

Да и сам Е Цзюньшу — разве не из-за детей он действовал исподтишка, не решаясь на открытый протест? Будь он один, без привязанностей, он бы уже давно восстал, а в крайнем случае — подался бы в бега на край света. Такова человеческая природа.

Слыша почти единодушное осуждение погибших, Е Цзюньшу почувствовал, как груз на его душе стал чуть легче. Однако больше всего его мучил вопрос: сдох ли в итоге этот подонок Мин Второй?

Вскоре из управы вышли двое: молодой мужчина в черном одеянии и человек средних лет в чиновничьем халате. Тот, что постарше, сделал шаг вперед и, обращаясь к плотной толпе, зычно выкрикнул: — Земляки!

Шум мгновенно стих. Говорящий продолжил:

— Уездный судья Ван Чжигао на днях повел стражников на Линьцзянский тракт для истребления разбойников. Погибших среди них множество. Согласно особому указу двора,

семьям всех павших при исполнении служебных обязанностей будет выплачено пособие на погребение в размере десяти лянов серебра!

Толпа ахнула. — Десять лянов!

— Надо же, погибли при облаве на бандитов... Значит, перед смертью доброе дело сделали...

Чиновник несколько раз призывал к тишине, после чего сурово продолжил:

— Однако мертвых не судят, а живым кары не миновать! Ван Чжигао самовольно, без приказа и полномочий, отдал приказ о наступлении на чужую территорию, что привело к многочисленным жертвам. Это тяжкое должностное преступление. Кроме того, вскрылись факты его тирании и угнетения народа в период службы... По совокупности преступлений Ван Чжигао лишается всех чинов и званий, берется под стражу и будет отправлен в столицу для суда. Стражники Ван Даюн... и еще двенадцать человек приговариваются к тридцати ударам палками и ссылке на три тысячи ли.

Е Цзюньшу слушал, не отрывая взгляда от молодого мужчины в черном, стоявшего подле чиновника. Он сразу узнал его — это был один из тех, кто спрашивал дорогу. «Что они здесь делают?» В голове пронеслось множество догадок, но он вспомнил, что тогда эти люди вели себя вежливо и миролюбиво даже с ним, простым крестьянином. Вспомнил он и Третьего молодого господина, чей образ до сих пор стоял перед глазами. Такой благородный и светлый гэр точно не мог быть заодно с мразью вроде Мина Второго. Цзычжоу немного успокоился.

Под присмотром солдат родственники погибших не смели буянить: они тут же получали серебро и уносили тела своих близких.

Е Цзюньшу подошел к стене с объявлениями. Содержание нового указа в точности повторяло слова чиновника, разве что написано было официальным и сухим языком вэньянь. Он прочитал всё от начала до конца, но о Мине Втором не было ни слова. «Так он жив или мертв?» — сердце Цзычжоу сжималось от тревоги.

— Цзычжоу? — раздался сзади голос Цинь Яоляня.

Е Цзюньшу обернулся:

— Шицюн?

— Ты тоже пришел поглазеть! — Цинь Яолянь, убедившись, что это действительно Цзычжоу, радостно подошел ближе. Он так и думал, что спина знакомая.

Е Цзюньшу кивнул: — Зашел в город по делам, увидел толпу и решил узнать, что стряслось.

Он окинул взглядом площадь: люди уже понемногу расходились. Из-за тесноты он раньше и не заметил друга.

— Ты давно здесь?

— С самого момента, как они привезли тела, — ответил Цинь Яолянь. Он сегодня как раз решил улизнуть от учебы, чтобы расслабиться, и хотел было заглянуть к Цзычжоу в деревню Е, но не успел выйти из города, как наткнулся на этот мрачный кортеж.

Помятуя о визите некоего «Второго господина Мина», Цинь Яолянь настороженно относился к

чужакам в форме, но, проследовав за ними, увидел события такого масштаба! Неужели старый хрыч Ван и Мин Второй действительно отправились на зачистку бандитов? Яолян попытался разузнать подробности, но солдаты держали язык за зубами: кроме официальной версии, ни крупницы сплетен выудить не удалось.

Обменявшись новостями, друзья поняли, что знают одинаково мало, и решили вместе уходить.

— Тут осталось еще одно тело, его никто не признает! Гляньте, чей он!

Внезапный окрик заставил Е Цзюньшу непроизвольно обернуться. На пустой площади сиротливо лежало одно-единственное тело, накрытое белой тканью. Какой-то любопытный смельчак подошел и откинул край савана.

Е Цзюньшу замер на полушаге. Выражение спокойствия на его лице сменилось оцепенением. В голове вдруг стало пусто, взгляд приковался к телу, которое уже снова накрывали. Цинь Яолян заметил, что товарищ отстал, и вернулся:

— Цзычжоу, что случилось?

Проследив за его взглядом и увидев, как побледнел друг, Яолян осторожно спросил:

— Ты его знаешь?

Цзычжоу несколько мгновений пребывал в прострации, прежде чем выдавить:

— Кажется, обознался.

Однако ноги сами понесли его вперед. «Наверняка померещилось... Иначе как это может быть...»

Е Цзюньшу подошел к покойнику и застыл над ним на мгновение. Затем медленно опустился на корточки и дрожащей рукой ухватился за край белой ткани. Глубоко вдохнув, он резко дернул полотно, мысленно твердя себе: «Это ошибка, это не может быть он...»

Но это был... дядя Лэй.

Давно не стриженная борода свалялась и закрывала почти половину лица. Спутанные волосы, на которых запеклись черные сгустки крови, впавшие глазницы, исхудалое лицо... Одежда, превратившаяся в грязные лохмотья — он выглядел как последний нищий, а от тела исходил тяжелый запах. Если бы Е Цзюньшу не видел дядю Лэя в подобном состоянии совсем недавно, он бы ни за что его не узнал.

Чувство вины внезапно захлестнуло его. Дядя Лэй тогда уже был ослеплен ненавистью — как он мог позволить ему уйти одному?.. Он тогда думал только о том, что на Линьцзянском тракте сложный рельеф, и дяде Лэю будет удобно спрятаться в случае чего, чтобы его не нашли... Е Цзюньшу с силой влепил себе пощечину.

Цинь Яолян вздрогнул от этого внезапного жеста. Он быстро перехватил руку друга: — Цзычжоу, ты чего творишь?

Он должен был догадаться: с тех пор как Пань-гэр ушел, дядя Лэй потерял вкус к жизни. В этом мире не осталось никого, кто бы его держал, единственным смыслом существования была месть... Лицо дяди Лэя было умиротворенным. Мельница свершена, и теперь он отправился к Пань-

гэру...

Проглотив подступившую к горлу горечь, Е Цзюньшу моргнул, прогоняя влагу, и, скрыв бурю чувств, тихо сказал Цинь Яолянню:

— Я знаю этого человека. Это мясник Лэй из города. Я часто покупал у него мясо, он всегда был добр ко мне.

— Ох... — Цинь Яоляннь сочувственно похлопал друга по плечу. — Не горюй так, все мы смертны... — Он не знал, как еще утешить.

В этот момент к ним подошел один из солдат:

— Вы его знаете?

Е Цзюньшу кивнул и назвал имя и адрес дяди Лэя. Увидев, что двое молодых людей не похожи на тех, кто пытается обманом выманить пособие, солдат сунул мешочек с серебром прямо в руки Е Цзюньшу:

— Забирайте поскорее и хороните.

Е Цзюньшу опустил взгляд на увесистый мешочек с серебром, а затем обратился к Цинь Яолянню:

— Шицзюнь, помоги мне.

— Говори.

— Помоги мне найти владельца мясной лавки на рынке, пусть он поможет созвать людей, чтобы достойно проводить дядю Лэя. Оставшееся после похорон серебро поровну раздели между теми, кто придет помочь.

— Хорошо, я мигом. — Цинь Яоляннь с беспокойством посмотрел на друга. — Ты точно справишься один?

Е Цзюньшу кивнул, его голос звучал ровно:

— Не волнуйся, я в порядке.

Цинь Яоляннь быстро убежал.

Е Цзюньшу заставил себя успокоиться. Столь явные странности приводили его в замешательство: дядя Лэй шел туда с явной целью совершить покушение, так почему же его вернули вместе с погибшими стражниками, как невинную жертву разбойников? Поскольку это касалось дяди Лэя, Е Цзюньшу отбросил осторожность и умоляющим тоном спросил: — Господин офицер, дядя Лэй был простым мирным жителем, как он мог погибнуть от рук бандитов?

Солдат замялся, не зная, что ответить, но в этот момент за его спиной раздался чистый, звучный голос: — Должно быть, он проходил мимо Линьцзянского тракта и случайно оказался втянут в схватку между властями и разбойниками.

— Господин! — солдат поклонился и отступил.

Е Цзюньшу обернулся — это был один из тех людей, что спрашивали дорогу. Си Юаньюй невольно окинул взглядом этого юношу, который внешне мало походил на обычного крестьянина:

— Кем ты приходишься покойному?

Е Цзюньшу почтительно ответил:

— У дяди Лэя не осталось родных. Он всегда заботился обо мне, мы были близки, как дядя с племянником. Дядя Лэй трагически погиб, и мой долг — позаботиться о его проводах... Я глубоко опечален, прошу господина простить мне мою непочтительность.

Си Юаньюй приподнял бровь, но, видя его подавленное состояние и искреннюю скорбь, ничего не сказал:

— Прими мои соболезнования.

Сказав это, он повернулся, собираясь вернуться в управу.

— Господин!

Тот удивленно обернулся. Е Цзюньшу открыл рот и, наконец, хрипло выдавил:

— Спасибо...

Си Юаньюй махнул рукой: — Не меня благодари, а Третьего молодого господина.

«Третий молодой господин?» — в голове Е Цзюньшу мгновенно всплыл лик того благородного гэри. Он хотел сказать что-то еще, но собеседник уже отошел на приличное расстояние.

— Цзычжоу! Цзычжоу!

Е Цзюньшу обернулся: издалека к нему спешил Цинь Яолянь с группой людей. Он тут же выбросил всё остальное из головы и вместе с соседями и друзьями дяди Лэя принялся за организацию похорон...

<http://bllate.org/book/15226/1366773>